

Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена
Петербургский институт иудаики

ТЕКСТОЛОГИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ В XX ВЕКЕ

Материалы международной научной конференции

Санкт-Петербург
2006

КОММЕНТАРИЙ К СТИХОТВОРЕНИЮ В. ЖУКОВСКОГО «К РУССКОМУ ВЕЛИКАНУ»

Автор комментария к стихотворению «К Русскому великану» в новом Полном собрании сочинений Жуковского Ф. З. Канунова указала: «Стихи Жуковского, вызванные февральскими революционными событиями 1848 г., воспевают оппозиционность России к революционному Западу, ее монархическую устойчивость» [ПСС II: 734]. Соглашаясь с этой трактовкой, мы вместе с тем предлагаем рассмотреть этот текст как идеологическую программу, в которой Жуковский очертил конкретные принципы, которых русское правительство должно было, по его мнению, придерживаться во внешней политике.

В январе 1848 г. для всех стало очевидным приближение «французской катастрофы», весной Жуковский, как и Николай I, и Паскевич, не исключал возможности военного столкновения. Поэт писал великому князю Константину Николаевичу 8 марта н. с.:

<...> русские пушки много значат теперь и много значили во все времена. Теперь у каждого русского повторится то, что в день торжества Бородинского было от имени молодого войска сказано старому, на полях Бородинских положившему жизнь свою:

В свой черед мы **грудью станем**¹,
Если Царь велит отдать
Жизнь за общую нам мать. [Жуковский 1878: 364–365]

Накануне, т. е. 7 марта н. с., Жуковский в письме к Булгакову уже вспоминал заключительные слова из своего текста «Бородинская годовщина». Память о легендарном сражении стала призмой, сквозь которую поэт воспринимал события именно весны 1848 г. Военная метафорика 1812 г. в письмах Жуковского этого времени вытеснила ветхозаветный образ «Всемирного потопа, в водах которого под руководством капитана — русского царя уверенно плывет русский ноевой ковчег». Этот образ встречается в письме поэта к цесаревичу, которое было опубликовано под заголовком «Русский из Франкфурта» и готовило русскую общественность к восприятию царского манифеста об объявлении войны революционным силам.

Вместе с тем, поэт, анализируя для наследника престола текущие события, настойчиво уверял в каждом письме в необходимости следовать политике военного невмешательства России в европейские дела. В письме от 17 (29) февраля 1848 г. он писал: «<...> *устремленная на внешнее* она <Россия. — Т. Г.> только может растратить свои силы и чужим потрясением разрушить

---

¹ Здесь и далее выделено нами.

свое собственное здание» [Жуковский 1885: 541]. 5 марта поэт еще раз подчеркнул: «<...> мы тверды нашими внутренними силами и богаты будущим, но тверды у себя, а не вне наших пределов» [Жуковский 1885: 543]. В переписке с наследником престола Жуковский часто обращался к образу «китайской стены», с помощью которой Россия смогла бы отгородиться от Европы. Не случайно, что вторая строчка стихотворения «К Русскому великану» в черновой редакции выглядела так: *Мирно стой, стеною твердой* [ПСС II: 733]. Образ из «Бородинской годовщины» — стены, которую составили груди русских солдат, — это не только образ отгороженности России от европейских событий, но, в контексте этого стихотворения, также образ неподвижного, не нападающего русского войска. Действия русской армии направлено исключительно на защиту отечества: *Отшибая грудью гордой/Вкруг ревуший океан!* [ПСС II: 335]

Осмысляя события 1848—1849 гг., Жуковский обратился к другому символу Отечественной войны — Александровской колонне. 6 марта 1848 г. он писал:

<...> смотрю с ободрительною надеждою на Восток наш, где сияет самобытное величие России, смотрю на колонну Александрову <...> и повторяю то, что сказал в ту минуту, когда открылась перед нами эта колонна, эмблема прошедшаго и будущаго <...> [Жуковский 1885: 546].

Программа, выраженная Жуковским еще в «Воспоминании о торжестве 30 августа 1834 г.», т. е. о дне открытия колонны, была той призмой, через которую он предлагал цесаревичу оценивать политическую ситуацию и расстановку сил.

Обратимся теперь к первой строке стихотворения: *Не тревожься, великан!* В образе «великана», по нашему мнению, воплотилась не столько Россия, сколько ее конкретный символ — Александровская колонна, открытая в 1834 г. в честь победы России над Наполеоном.

Укажем на переключку между стихотворением и статьей поэта «Воспоминания о торжестве 30 августа 1834 г.». В тексте 1834 г. рассказ о самом празднике предваряется описанием прошедшей ненастной ночи:

<...> небо задернулось громовыми тучами; воздух давил <...> тучи шумели <...> Нева подымалась <...> запылала гроза <...> молнии за молниями <...> и сверкала громада колонны, которая вдруг выходила вся из темноты <...> [Жуковский 1902: 29].

В стихотворении 1848 г. мы видим аналогичную картину: стоящего великана, окруженного «воем дикой непогоды».

Вторая строка стихотворения: *Мирно стой, утес наш твердый*, также переключается со статьей 1834 г., в которой Жуковский отчетливо обозначил для России новую временную грань:

<...> дни боевого создания для нас миновались <...> завоевательный меч в ножнах и не иначе выйдет из них, как только для сохранения; что наступило время создания мирного; что Россия, все свое взявшая, извне безопасная, врагу недоступная и ли погибельная вступила <...> в период развития внутреннего [Жуковский 1902: 31].

Таким образом, призывая к мирному стоянию великана, поэт подчеркнул, что Россия, чье «имя: Божья правда», должна сосредоточиться исключительно на внутреннем развитии, что Россия не нуждается в заграничных антиреволюционных походах (ей не следует совершать того, чего больше всего опасаются в Западной Европе). В конце стихотворения поэт еще раз в императивной форме проговорил эту мысль: «Стои среди всевозмущенья/Недоступен, тих, один».

Жуковский, поддержав манифест Николая об объявлении войны революционным силам, вместе с тем, четко обозначил позиции: действия России должны быть исключительно оборонительные, Россия в одиночку не может следовать принципам Священного Союза.

Такая политическая позиция Жуковского оказала влияние и на его трактовку образа «орла», на одного из традиционных государственных и военных символов России.

Для понимания данного образа у Жуковского обратимся к поэтическому контексту — к описаниям противостояния между Россией и Революцией в русской поэзии. В этой связи, по нашему мнению, принципиально важно стихотворение Державина «Орел», которое описывает отбытие русских войск в Италию в 1799 г., во время первой антифранцузской коалиции:

Куда несешься с высоты?

Приняв перуны в когти мочны,

Куда паришь, Орел полночный!

И на кого их бросишь ты? <...>

Стремишься в прах низвергнуть троны,

Брать царства, королей пленить? <...>

Нет, нет; пред Павла знаменами

Ты с Росскими летишь полками

Престолы падши возносить.

Гряди спасать Царей, Суворов! [Державин: 278—279]

Державинский орел — не только символ мощи, устрашения врагов (как, например, орел из «Оды на взятие Хотина» Ломоносова). У Державина Орел призван спасать престолы, т. е. противостоять революционному разрушению. Жуковский развивает этот образ, подчеркивая это текстуальными переключками с Державиным, но внося свою трактовку образа:

Твой орел, пространства князь,

Над бунтующей смеясь

У твоей подошвы бездной,

Сжавши молнии в когтях

В высоте своей воздушной —

Наблюдает равнодушно,

Как раздор кипит в волнах [ПСС II: 335]

Если орел Державина намерен вмешаться в ход событий, то не уступающий ему в силе орел Жуковского — сторонний наблюдатель. Так как окружающие явления для него не представляют интереса («Наблюдает равнодушно»), то и цели державинского орла — восстановить «престолы падши» — ему чужды.

Напомним еще один контекст. В 1848 г. поэт переработал одно свое письмо к цесаревичу в статью «Самоотвержение власти», где указал на главные черты власти — **умеренность** и порядок. В том же году выходило и собрание сочинений Жуковского, куда была включена басня «Орел и голубка», переведенная им из Гете в 1833 г. В новом контексте она стала звучать как грозное предупреждение русскому правительству:

С утеса молодой орел
Пустился на добычу;
Стрелок пронзил ему крыло,
И с высоты упал <...>

«Умеренность прямое счастье»; [ПСС II: 368].

Летом 1848 г. поэт написал письмо к Вяземскому по поводу стихотворения «Святая Русь». Прочитируем фрагмент по архивной копии текста:

Под **развитием самодержавия** разумеется твердое укоренение по распространению его патриархального могущества, [<...> ее <власти. — Т. Г.> утверждением посредством **указания необходимых, верных путей ее действия, спасающим ее от самоубийственного произвола**], <...> [Жуковский].

Этот отрывок позволяет точнее определить как позицию поэта, так и прагматику стихотворения «К Русскому великану».

Перед Жуковским стояла задача выработать конкретные правила, придерживаясь которых, Россия не подорвала бы фундамент своей монархии. В этой связи не случайно появление в переписке Жуковского с наследником сюжета о потере власти прусским королем. В серии писем об этих событиях поэт учил цесаревича искусству власти, делясь своими мыслями о том, как следовало бы поступить Фридриху Вильгельму IV в критической ситуации.

Этим же летом русские войска вошли в Дунайские княжества: антиреволюционная борьба началась за пределами России. Активно обсуждая политические новости и события с цесаревичем, Жуковский ни единым словом не охарактеризовал новый виток русской политики. В сентябре 1848 г. в «Русском инвалиде», в «Северной пчеле» и в «Москвитянине» было опубликовано стихотворение Жуковского под названием «К Русскому великану».

На протяжении творческой истории текст менял свое название. Первоначально он был озаглавлен «К великану», затем — «Северный утес», наконец — «К Русскому великану». К сожалению, мы не можем точно датировать данные изменения. Однако выбранное окончательное название в форме обращения («К Русскому великану») актуализирует проблему адресации текста.

Державин изобразил Суворова, используя образ «орла». Жуковский в стихотворении «Певец во стане русских воинов» 1812 г. представил русского военачальника в двух образах — орла и великана:

О Святослав, бич древних лет,
Се твой полет орлиной. <...>
Но кто сей рьяный великан <...>

То грозный наш Суворов! [ПСС I: 226—227]

По нашему мнению, «великан» и «орел» из стихотворения Жуковского 1848 г. — это две «поэтические» ипостаси, в которых воплотился конкретный русский генерал. Мы полагаем, что текст «К Русскому великану» адресован главнокомандующему русскими войсками, наместнику Польши князю Паскевичу Ереванскому. Обратим внимание на обращение к нему Жуковского в письме, написанном осенью 1849 г.:

<...> когда глядишь на эти листы <венгерской кампании. — Т. Г.>, <...> тебе мечтается широкая магическая сеть, раскинутая по целому краю могучим **русским великаном** <...> [Жуковский 1902б: 38].

Напомним, что на западной границе стояла многотысячная русская армия под предводительством Паскевича, это обстоятельство отразилось в строчках стихотворения: *Многоглавые встанут/И толпою всей бегут/На твои ударить стены*. Указание на то, что «орел» является «князем» («Твой орел, пространства князь») укрепляет нашу гипотезу об обращении стихотворения генералу Паскевичу. Осторожно предположим и то, что Николай I мог, в том числе, воспринимать текст Жуковского как обращение к Паскевичу. Царь писал 2 (14) января 1849 г. главнокомандующему: «Мы более других обязаны Бога благодарить за то, что <...> помог стоять стеной против. Ты зодчий сей стены, ты ея блюститель» [Цит. по: Щербатов: 268].

Колебания в названии текста между «К великану» и «К Русскому великану» указывают на неоднозначность, но и на важность для поэта образа «великана».

Напомним, что в творчестве Жуковского в знаковом, программном послании «Императору Александру» 1814 года великан — это Наполеон:

<...> **великан**, питомец ужасов, безвластия и брани,
Воздвигся, положил на скипетр тяжести длани,
И взорами на мир ужасно засверкал —
И пред страшилищем весь мир затрепетал. [ПСС I: 368].

Подчеркнем: именно завоевания превращают здесь «великана» в «питомца ужасов».

Данный образ Наполеона и его трактовка были устойчивы в русской поэзии. Ср., например, строки из пушкинского «Наполеона» 1821 г.:

И длань народной Немезиды
Подъяту видит **великан**:
И до последней все обиды
Отплачены тебе, тиран! [Пушкин: 60]

Образ «великана» в стихотворении Жуковского 1848 г. двоятся: с одной стороны, это — гарант внутреннего спокойствия, возможного ценой отстранения от внешних дел (его воплощения — Александровская колонна и Паскевич), а с другой, это — актуализация образа Наполеона, закреплённо в русской поэтической традиции.

Образ «скалы» в море также устойчиво связывался с Наполеоном, с островом Св. Елены. Ср. известные строки из «К морю» Пушкина («одна скала, гробница славы»), а также из «Бородинской годовщины» самого Жуковского:

Есть далекая скала;
Вкруг скалы — морская мгла;
С морем степь слилась другая,
Бездна неба голубая;
К той скале путь загражден
Там зарыт **Наполеон**. [ПСС II: 320]

Можно было бы напомнить еще многие тексты, в частности, пушкинское «Была пора: наш праздник молодой» 1836 г., лермонтовский «Воздушный корабль» (из Цедлица).

В стихотворении «К Русскому великану» Жуковский, как представляется, сознательно актуализирует наполеоновской подтекст и стремится сблизить две **одинок** (это — общий признак) стоящих скалы: так сказать, *русскую* и *французскую*. Различительными становятся такие черты *русского* великана, как «недоступен, тих» — другими словами, характеристики мирного для других, охранительного для себя стояния русских войск на границе с Пруссией. К этому образу Жуковский обратился еще раз — в письме к цесаревичу от 3 (15) декабря — 19 (31) января 1849 г.

Напомним: это — период, когда в Пруссии, так и во Франции ожидалось вторжение русских войск. 25 декабря 1848 г. Mérimée иронично заметил: «J'apprends le russe. Peut-être cela me servira-t-il un jour à parler aux Cosaques dans les Tuileries» [Цит. по: Cadot: 511]. Судя по письмам Николая Павловича к Паскевичу, генерал намекал императору на необходимость самостоятельно разрешить прусский вопрос введением на ее территорию своих войск. Жуковский в это время подчеркивал:

С другой стороны **неприкосновенно** стоит **утес** России, самобытный, от всего **отстраненный**, преисполненный жаркою, но не вулканическою теплою самодержавия, которая работает внутри его медленно, **тихо** <...>. Аминь! [Жуковский 1885: 584].

Не война, а «мирная энергия русского вождя» победит революционные стихии и принесет благоденствие — в этой идее заключено политическое кредо поэта.

29 января 1849 г. Жуковский писал цесаревичу о прусских делах:

Теперь дело идет к развязке или к новой завязке. Вот увидим, сумеют ли господа многоученые профессора развязать Гордиев узел, и не придется ли прибегнуть к мечу Александра? [Жуковский 1885: 589].

Это письмо привносит новый акцент в политическую концепцию поэта. Меч Александра, т. е. Александра Павловича, восстановителя престолов — здесь подразумевается уже военное вмешательство России.

Находясь в центре событий, реагируя на них остро и болезненно, Жуковский как бы забывал на определенное время свои, так настойчиво им же повторявшиеся принципиальные идеи — о необходимости мирной обороны России от Запада. Не случайно, что манифест Николая от 26 апреля (8 мая) 1849 г. о начале Венгерского похода был поддержан поэтом. Письмо к А. Я. Булгакову от 17/19 мая 1849 г.: «Дай Бог теперь другой славы с мечом

в руках против бунта и анархии» [Жуковский 1878: 583]. Но в момент окончания венгерской кампании Жуковский снова возвратился к своей программе. Интересно, что ожидаемое от него стихотворения на победу русских войск поэт не смог написать, в чем он признался в письме к Паскевичу. Недостатка в откликах на победу русских войск не было. Так, например, дважды был издан сборник «Новая слава России или наши в Венгрии» Петра Татаринова, который сопровождал войска всю кампанию и воспевал каждое ее событие: от объявления царского манифеста до возвращения русской армии. «*Крамол ты страх*» [Татаринов] — такой образ России и русского царя, созданный Петром Татариновым в своем цикле, однако, был чужд Жуковскому.

Осеннее письмо 1849 г. к генералу Паскевичу Жуковский переработал в статью «Русская и английская политика», в которой он пытался создать для Европы положительный образ России. Венгерский эпизод автор трактует как образец русской политики:

<...> главною причиною такого полного успеха была, при великой материальной силе, **мирная энергия русского вождя** <...> [Жуковский 1902б: 39].

Хотя в письме к Константину Николаевичу он указал, что именно «пушки сладили с бунтом». Однако в статье, опубликованной в Пруссии, Жуковскому было важно описать венгерский поход как великодушный подвиг русского царя, подчеркнуть, что победа была достигнута мирными средствами, а не военным превосходством.

Поэтическая концепция *мирной войны* у Жуковского актуализирует и важный пласт русской одической традиции. Напомним «Оду на торжественный праздник тезоименитства Ее Величества сентября 5 дня 1759 года и на преславные Ее победы, одержанные над королем Пруским нынешнего 1759 года <...> Ломоносова»:

Чтоб миром свергла ты коварство; <...>

Не слышат гибельного стона,

Не видят пламенной зари,

Дивятся и в войне покою <...>

Восходит выше тишиной [Ломоносов: 150—152]

Жуковский, таким образом, постоянно находится во взаимодействии с поэтической традицией описания военных конфликтов: он то актуализирует забытое к 1849 г., но выгодное представление о России не только как о сильном, но и великодушном государстве, то корректирует традиционные образы-символы, раскрывая их смысл согласно своей концепции.

Жуковский, с одной стороны, использовал доминантные в 1848 г. образы («моря» — «утеса»), тем самым органически вливаясь в современную ему антиреволюционную риторику. Но, с другой стороны, используя актуальные клише, говоря с наследником на понятном ему языке, поэт их трансформирует, раскрывает их потенциал, напоминая тем самым и важные для него идеи. Хотя стихотворение «К Русскому великану» также построено на клише, Жуковский добился выражения своей позиции — идеи необходимости мирного стояния русского великана.

ЛИТЕРАТУРА

- Державин — *Державин Г. Р.* Сочинения. СПб., 2002
- Жуковский — *Жуковский В. А.* Сочинения в прозе 1845—1850 гг. // ОР РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 39
- Жуковский 1878 — *Жуковский В. А.* Сочинения В. А. Жуковского: В 6 т. СПб., 1878. Т. VI
- Жуковский 1885 — *Жуковский В. А.* Сочинения В. А. Жуковского: В 6 т. СПб., 1885. Т. VI
- Жуковский 1902 — *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. В. А. Жуковского: В 12 т./Под ред. А. С. Архангельского. СПб., 1902. Т. X
- Жуковский 1902б — *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. В. А. Жуковского: В 12 т./Под ред. А. С. Архангельского. СПб., 1902. Т. XI
- Ломоносов — *Ломоносов М. В.* Избранные произведения. Л., 1986
- ПСС — *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч.: В 20 т. М., 2000. Т. I—II
- Пушкин — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. М.-Л., 1949. Т. II
- Татаринов — *Татаринов П.* Новая слава России или наши в Венгрии. Современный военный альбом. Второе издание. СПб., 1850
- Щербатов — *Щербатов.* Генерал-фельдмаршал кн. Паскевич. Его жизнь и деятельность. СПб., 1899. Т. VI
- Cadot — Cadot, Michel. L'image de la Russie dans la vie intellectuel française (1839—1856). P., 1967